

Неловкие извинения

Ветер Перемен

Небольшая светлая комната с отдельным выходом на веранду. Напротив входа стоит низкий столик, вокруг него расстелены циновки. В углу – тумба с умывальником и небольшая полочка. У противоположной стены – комод. За ширмой из сезаля на полу расстелена циновка для сна, на которой сложен матрас и постельное белье. В комнате есть несколько светильников из рисовой бумаги. На окнах – легкие светлые шторы, каменный пол застелен домотканым ковром, чтобы ночью не было холодно ходить босиком. У входа стоит вешалка, на стене – несколько крючков.

Ши Ньяо

Ньяо редко сидел в своей комнате, предпочитая проводить свободное время на свежем воздухе, но этим вечером его одолевали странные мысли, связанные с происшествием на огороде, и он, чтобы вернуть себе душевное равновесие, решил заняться упражнениями в каллиграфии. Контролируя дыхание, он аккуратно выписывал на лист рисовой бумаги стихотворение Ду Фу «Взирая на священную вершину» размашистыми иероглифами стиля цаошу. Каждый иероглиф чертился без отрыва руки от листа, движения могли показаться на первый взгляд небрежными, но на самом деле именно в этом стиле крылось истинное мастерство каллиграфа. Стихотворение казалось Ньяо очень близким и понятным, а та строка, что повествовала о зависти к птицам, сейчас вновь напомнила о тянущей ране в плече.

Иероглифы получались намного хуже, чем хотел Ши. Эту неудачу можно было объяснить болью в правом плече, из-за которой зажимались мышцы, мешая кисти свободно скользить по бумаге. Эта боль особенно ощущалась в момент рисования откидной па, при которой нужно было увеличивать нажим. Ньяо сохранял на лице выражение созерцательного спокойствия, каллиграфия должно позволить расслабиться, а не выступать поводом для раздражения. Когда плечо перестанет болеть во время письма, оно перестанет болеть и во время полета.

Закончив строфу, Ньяо начал следующий столбец. Кисть была совсем тонкой, и иероглифы получались маленькими, чтобы весь стих уместился на один лист. Маленькие кисти подходят лишь для малых иероглифов, в то время как большой можно рисовать и те, и другие. Но Ньяо любил тонкие кисти, видя мастерство в возможности с ювелирной точностью прорисовывать маленькие элементы, а не размашистыми движениями рисовать по одному иероглифу на страницу.

Тай Га

После утреннего приключения на огороде Тайга чувствовала, как ее снедает стыд. Нет, ну как так вообще было можно... Ладно, то, что Даниэла выбила из нее слова признания, было еще полбеды. По крайней мере, Тай очень надеялась, что итальянка не использует ее же слова против нее... ну, нет, эта хитруля могла, конечно, подцеплять ее да подначивать, но точно не стала бы делать какие-то серьезные вещи. Но и этого хватало. Казалось, малейшее замечание на тот счет, и

Тайга тут же вспыхнет и сгорит синим пламенем.

Так что она еще некоторое время провела на окраине монастыря, затем выбралась к реке, где собрала кое-что из трав, и этим и объяснила свое отсутствие после работы в огороде. Травы были благополучно устроены в лазарете, а сама Тайга - отправлена на обед.

Кстати, Ши Няо она так и не видела до полудня. Может быть, он занимался тренировкой кого-нибудь из учеников, раз плечо более не мешало ему использовать стихию. Но в любом случае, после обеда Тайга отправлялась к себе в комнату, чтобы внести в журнал кое-какие записи насчет местных трав (особенно тех, что росли на огороде - они были совсем нетипичны для тибетских районов) и, пробираясь по веранде, остановилась напротив одной из дверей. Здесь, как она помнила по рассказу Даниэлы во время экскурсии (а она запомнила это), была комната Ши Няо.

По крайней мере, стоило извиниться за свое поведение и поведение Даниэлы. Да. Если Ши Няо окажется у себя. А если нет... что ж, искренняя попытка тоже считается. Так что с этим намерением Тайга и аккуратно постучалась.

Ши Няо

Рисовая бумага пропитывалась черной тушью, и иероглифы стиля цаошу причудливым орнаментом складывались в строки стихотворения. Им не нужно быть понятыми, скоропись – способ самовыражения мастера. Тексты, которым следует быть понятными, пишутся деловым стилем кайшу, казавшимся Няо скучным, хоть он и был базовым в изучении искусства красивого письма. Мастера упражняются в индивидуальном стиле цаошу, который показывает, что, умея чертить хэн по всем правилам, можно забыть о правилах и позволить кисти рисовать настроение.

Стук в дверь не отвлек мастера от концентрации на письме. Он дописал следующий иероглиф, как раз завершавший строфу, и отложил кисть, обернувшись.

- Заходите, - Ши улыбнулся, хотя посетитель его, конечно, пока не видел.

Няо мало общался с обитателями монастыря. В основном его общения ограничивалось учениками, с мастерами же он говорил по делу или из вежливости. Он уважал жителей Линь Ян Шо и относился к каждому из них в равной степени доброжелательно, но привычка не связывать себя отношениями и привязанностями пока мешала даже установить с кем-то просто приятельские отношения. Он не любил, когда ему лезут в душу, и ещё меньше хотел слышать откровения от других. Это все – тяжести, мешающие полету. Лучше просто уважительно общаться о погоде и бытовых мелочах, сохраняя свою душу себе, а души собеседников – им самим.

Тай Га

Ну вот. Тайга была почему-то готова к тому, что ответом ей будет тишина. И это было бы хорошо. Вроде как, ответственность с нее сняли, но сама она ее нарочно не избегала. Все честно, всем хорошо. Так что, услышав позволение войти, она сперва застыла, ноги ее словно приросли к земле (вернее, к дощатому полу

веранды).

Так, ну-ка руки взяли... то есть, взяла себя в руки! То, что она что-то сказала Даниэле, еще ничего не значит. В конце концов, симпатию она испытывала ко многим, кто таковую вызывал. Вон, например, Чин Ху - весьма симпатичный, не зря же Даниэла выбрала его. И... и вот.

В общем, собрав волю в кулак, Тайга открыла дверь, остановилась на пороге и поклонилась.

- Прошу прощения за беспокойство, мастер Ши Ньяо, - как можно более нейтрально и вежливо проговорила Тайга. - Я пришла извиниться за... м.. за недостойное поведение сегодня утром. Мы с Даниэлой повели себя не лучшим образом. Простите, - снова виноватый поклон.

Ши Ньяо

В это время в комнату Ньяо мог зайти кто угодно, и никому из посетителей он бы не удивился сильнее, чем приходу Тайги. Почему-то ему казалось, что девушка чувствует себя возле него неловко, да и её поведение порой было очень странным. Чего стоил только её побег через окно лазарета. Ши вежливо кивнул, приветствуя целительницу, и вновь улыбнулся. Ему казалось, что за произошедшее извиняться следовало Даниэле, а не Тайге, ведь змею явно не спрашивали, хочет ли она, чтобы её подарили старшему мастеру.

- Все в порядке, Тайга, - сказал Ньяо, внимательно посмотрев на девушку. Хоть она и была лет на пять старше Улан, какой Ши её запомнил, сейчас она казалась совсем ребенком. Наивной, смущенной, будто её вызвали к настоятелю отчитывать. — Проходи.

Ньяо указал девушке на циновку напротив себя. Он сидел за низким столиком, на котором сейчас было разложено все, необходимое для письма — на плотной ткани лежал лист рисовой бумаги, исписанный стихотворением, рядом — стопка чистых листов. Справа стояла тушечница, подставка для кистей и чистая салфетка. Ещё на столе лежал футляр с кистями других размеров, которые Ши сегодня не доставал за ненадобностью.

Отчего-то Ньяо волновался. Наверное, ждал, что Тайга может вновь как-то странно себя повести. Не было ничего необычного или запретного в том, чтобы она была в его комнате, в простом разговоре о произошедшем утром, но все это вызывало странное ощущение неправильности происходящего. Ши сам не мог понять, с чем оно связано.

Тай Га

Ну конечно же, Ши вряд ли бы сказал ей что-то вроде: "Нет тебя прощенья, смертная" или в этом роде. Даже если случившееся и вызвало обиду, он вряд ли бы стал о ней говорить. Но долг Тайги был принести извинения, а не получить доказательства, что они исправили ситуацию.

Вообще, она хотела сразу же уйти, но как минимум невежливо отказываться от

приглашения, если тебя ничто не торопит. Поэтому, неловко кивнув, она зашла в комнату, затворила дверь за собой и устроилась там, куда ей указали. Вот теперь она могла увидеть, чем занимался Ши.

Каллиграфии ее обучали, равно как и написаю заклинаний офуда. Но она не постигала это искусство слишком глубоко. Считалось, что каллиграфия - занятие не для женщин, поэтому им давали лишь азы, которыегодились бы в написании правильных и эффективных заклинаний, более ничего.

- Ну, я надеюсь, такого больше не повторится, - все же не удержавшись, добавила Тайга. Нет, она не могла просто оставить свои извинения, а "адресат" пусть делает, что хочет. Ну да, она была слишком неуверенной натурой, что поделать, так повелось.

Ши Ньюо

Постоянное желание сравнивать Тайгу с Улан вновь дало о себе знать. Он часто ожидал, что целительница будет вновь вести себя так, как вела её мать, они же были невероятно похожи не только внешне, но и по характеру. Но Ньюо вновь забыл, что сейчас он – не девятнадцатилетний Ван Чжу, а один из старших мастеров Линь Ян Шо, и Тайга – не Улан, она ведет себя так, как подобает с учетом их огромной разницы в возрасте и ощутимой разницы в статусе. И если Улан позволяла себе праведно возмущаться или подначивать его по поводу и без, то Тайга на подобное просто не решится. От этого, с одной стороны, было спокойнее, но, с другой, Ньюо чувствовал себя как-то странно, будто что-то в окружающем его мире очень резко изменилось, сломав представление о том, как должно быть.

- Я тоже на это надеюсь. Думаю, Даниэла сама поймет, в чем она была не права. Она все-таки из другой культуры, так что нужно с пониманием относиться к таким её поступкам, - сказал Ши, чуть улыбнувшись.

Неизвестно, с кем из учеников ирбису повезло меньше – со вспыльчивым Чином, горячность которого могла привести к любым необдуманным поступкам, или с легкомысленной Даниэлой. У обоих, несмотря на разные стихии, было одно общее качество – они сначала что-то делали, и лишь затем, если повезет, думали. При этом настоятель был очень могущественным магом Земли со всей свойственной магом этой стихии любовью к спокойствию, уверенности и рассудительности, порой доходящей до маниакальной пунктуальности. Но Ньюо это, конечно, казалось лишь в общем порядке «понять и принять к сведению». Он не будет обсуждать поступок Даниэлы с ирбисом, не хватало ещё лезть в дела чужих учеников.

Тай Га

Да, Тайга очень это надеялась. Она понимала, что Даниэла действительно происходила из Европы, где совершенно иные нравы и взгляды на вещи, в том числе и на отношения между мужчиной и женщиной. Если Тайга смело об этом говорила, то в стране, где выросла Тайга, все имело совершенно особые смыслы. О таких отношениях слагали стихи и писали друг другу письма раньше, сейчас же предпочиталось не распространяться о своих чувствах. И здесь, казалось бы, все должно было быть так же.

Может, оно и было. Судя по всему, настоятель не одобрял подобного поведения. И понятно, почему: это монастырь, где происходит духовное развитие, а не дворец встреч.

- Здесь не только вина Даниэлы, - вынуждена была признать Тайга. И в самом деле, если бы она просто сразу сказала, что нет, ничего нет и не может быть, в конце концов, итальянка бы оставила свои расспросы. Что-то же подсказывало Тайге, что она сама была не прочь поделиться душевной тайной, если бы то помогло найти ответ на свои вопросы. - Я тоже ее в каком-то смысле спровоцировала. Поэтому не стоит винить во всем ее.

Ши Ньюо

Маги Воздуха отличаются хорошо развитой фантазией, так что сейчас Ньюо даже боялся подумать, о чем таком Тайга могла сказать Даниэле, чтобы её спровоцировать. Да, он помнил случайно услышанную фразу «он мне не», смысл которой предпочел не разгадывать. Ши чуть удивленно улыбнулся, внимательно посмотрев на девушку. Он не сразу понял, что правильно ответить на её слова, и все сложнее было бороться с любопытством. Ну не просто так же Даниэла притащила ему змею, ещё с довольно язвительными дарственными словами. Не могла же Тайга сказать, что... Глупость, о чем он вообще думает? Лучше уж пусть считают его немощным стариком, чем обсуждают всякие романтические фантазии. Этого не будет, потому что быть не может. Ши Ньюо – перелетная птица, без привязанностей, без отношений, да и вообще он ей в отцы годится. В некотором роде даже сильнее, чем просто по возрасту. Откуда вообще могут браться подобные глупые мысли? Видимо, всему причиной плечо и то, что во время занятий каллиграфией он остался недоволен своей работой. А от такой ерунды могут возникать и более серьезные глупости. Ну не может быть по-другому. Тайга – совсем молодая очень интересная девушка, вокруг полно её ровесников, достойных её внимания, как он вообще мог допустить мысль о чем-то подобном? Это не просто старость, это уже маразм.

- Мне интересно, что такого ты могла сказать, что Даниэла истолковала как повод вручить тебя мне, - Ньюо усмехнулся.

Итальянка могла переиначить любые слова, даром что тоже маг Воздуха. Если её мысли заняты исключительно Чином (конечно, отношения учеников ирбиса не укрывались даже от Ши, который предпочитал не лезть в чужие дела), она могла просто выдать желаемое за действительное.

Тай Га

Тайга второй раз за день уже почувствовала себя застанной врасплох. Сперва Даниэла, вынудившая ее признать одну простую на словах, но совершенно непостижимую для осознания вещь. А теперь вот такое... Тайга готова была поклясться, что Ши Ньюо вполне осознавал, о чем они говорили. И, скорее всего, воспринял их диалог или как неизящную издевку над человеком много старше их обеих, или же принял к сведению и теперь сам довольно неплохо решил уязвить Тайгу.

Вот она и не понимала, как именно ей нужно понимать эти слова.

- Вы... то есть, нет, она не это имела в виду, - пролепетала Тайга, а сама судорожно пыталась сообразить, какие тут могли быть пути к отступлению. - Вы не так все поняли, - наконец, заявила она и уставилась на Ши, чувствуя, что еще чуть-чуть, и крыть ей будет нечем. - Я не знаю, что вы слышали, но это все неправда.

Отлично. Просто отлично. Мало того, что тогдашний разговор был не самым уважительным в мире по отношению к старшему мастеру, так еще и сейчас... не то уличала Ши Ньяо в трудности понимания, не то продолжала свое насмешничество. Да, лучше бы тут была Даниэла, у нее язык подвешен как надо, она бы выкрутилась из этой ситуации.

Ши Ньяо

Ньяо так и не знал, что он не так понял, потому что не понял ничего. И не хотел понимать, решив, что девичьи разговоры должны казаться исключительно их самих. Но вот уточнение о том, что это ещё и неправда лишь укрепили подозрения Ши. Ещё чего не хватало. Он никогда не считал себя покорителем девичьих сердец и тем более не хотел ломать жизнь Тайги своим в ней присутствием. Зачем он ей сдался? Мало на свете молодых парней, готовых к нормальным отношениям, которые не бегают от привязанностей и не считают свободу более важной, чем чувства? Ньяо едва заметно нахмурился, хоть и старался не показывать никаких эмоций.

- Давай договоримся так. Я ничего не слышал, инцидент на огороде исчерпан, а с Даниэлой разбирайтесь сами, кто в чем виноват, - сказал Ши после недолгого молчания.

Ему очень не хотелось обсуждать с Тайгой, кто что говорил, кто что слышал и кто как это воспринял. Ни к чему это все. Между ними не может быть никаких отношений, кроме приятельских, подкрепленных искренней благодарностью Ньяо за спасенную жизнь. Все остальное – глупости, о которых лучше просто не думать. Он не в том возрасте, чтобы резко менять убеждения, каким бы ветром себя ни считал. Достаточно угрызений совести за память об Улан, не нужно дважды наступить на одни и те же грабли.

Тай Га

Вот теперь, похоже, Тайга добилась того, чего ей не удавалось до того - вывела из себя человека, который проявлял всегда недюжинное спокойствие и умение обходить неприятные моменты. По крайней мере, Тайге так казалось. А тут она... как-то перегнула палку. Да, ей стоило просто заткнуться и кивать, как болванчик. Все бы быстро все позабыли, история осталась бы как дурацкий курьез, и все. Но нет, Тайга же не ищет легких путей. Вот и пожалуйста.

Чувствуя, как от стыда к щекам прилила краска, Тайга аж вжала голову в плечу:

- Простите, я не хотела, - выдавила она, стараясь больше ничем не задеть Ши. - Я... я пойду тогда.

Она даже не стала дожидаться позволения или возражения: быстро кивнула, поклонилась и выскочила за порог.

Нет, вот же она дура, кто бы мог подумать. Дура и еще раз дура. Вот только она не только обиделась сама на себя, но еще и почувствовала помимо стыда противный привкус горечи. Ну в самом деле, чего она теперь-то расклеилась? Сама отрекалась при Даниэле от каких-то ни было чувств, а теперь вдруг разобиделась.

Переведя дух и уняв взбешенное сердцебиение, Тайга заспешила подальше от жилого корпуса. Вот, сейчас свободное от дел время, каждый предоставлен сам себе, а она как раз давно хотела поупражняться во владении звериной формой. Не то порой у нее разум малость "растворяется" в сознание змеи, и вместо того, чтобы направляться, куда направлялась, она ползет на деревья и охотится на ящериц.

Так что Тайга поспешила выбраться куда-нибудь в дикое место, где не будет людей.

Ши Ньяо

Ньяо снова убедился, что совершенно не понимает женщин. Вот чего сейчас хотела Тайга? Пришла, извинилась, сказал ей, что все в порядке. Теперь и Даниэла ей не виновата, и вообще непонятно что происходит. Ши вздохнул, посмотрев на закрывшуюся за девушкой дверь. Неужели он умудрился её чем-то обидеть? Ведь не хотел. Ньяо посмотрел на исписанный иероглифами лист. Последняя строфа, которую он успел записать, гласила о том, что поэт краем глаза заметил возвращение птиц. Последний иероглиф был частью его собственного имени, того, которым он себя назвал много лет назад. Ньяо задумался. Он не понял, что он сейчас сказал неправильно, но Тайга смутилась. Найти, извиниться... За что? Глупо. Так можно вечность бегать и извиняться друг перед другом. К чему вообще нужно было затевать весь этот разговор? Мало ли что он услышал или подумал.

Вновь взяв кисть, Ньяо обмакнул её в тушечницу, заточив о край кончик, так, чтобы ворсинки приняли форму острия копья, а кончик остался достаточно пропитан тушью. Осталось дописать всего две строфы. Ши выровнял дыхание, но иероглифы упрямо получались не такими, как он привык. Вроде, ровные и с достаточным нажимом, но все равно не то. Неуловимые мелочи, заметные лишь опытному мастеру. Всеми виной боль в плече и то, что из-за неё зажат локоть. Только это. Не может быть других причин. Не должно. Рука дрогнула, и на бумагу упала крошечная клякса. Да что же это такое? Клякса впиталась в тонкую рисовую бумагу. Ньяо отложил лист и начал заново. Нужно сосредоточиться и разобраться с собой. И расслабить зажим в локте, тогда не будет этих глупых ошибок.

А стихотворение начиналось с названия горы Тайшань, имя которой сейчас почему-то упрямо ассоциировалось с именем целительницы. Ньяо усмехнулся собственным мыслям. Пора умнеть, о чем может думать старший мастер на пятом десятке лет? Глупости. Ши глубоко вздохнул, вновь начав выписывать ровные строки иероглифов.
